

**Комментарии на доклад,
опубликованный Религиозно-информационной службой Украины**

как доклад епископа Христупольского Макария на «Синаксисе иерархии Вселенского престола»
«Церковная проблема на Украине»

I. Реконструкция событий XI–XV веков¹

I. 1. О титулатуре Русских митрополитов

Почти в самом начале доклада «Церковная проблема на Украине» его автор утверждает, что в «Тактиконе» Алексия I Комнина кафедра Киевской митрополии носила наименование «Митрополии Киева и всяя Руси». Речь, очевидно, идет об 11-й нотиции епископских кафедр по нумерации Ж. Даррузеса, в которой, однако, титул митрополита ограничивается одним словом: «Руси». Проще говоря, в XI веке не было «митрополии Киева и всяя Руси», была «митрополия Руси».

Вопреки докладчику, первоначально в титуле митрополита Руси отсутствовало и слово «всея». Оно было добавлено лишь в 50-е — 60-е годы XII века, что отнюдь не было случайностью: незадолго до того, в 1147 году, собор южнорусских епископов поставил в Киеве митрополитом Клима Смолятича без согласования с Константинопольской Церковью, что не было поддержано епископами Севера, Запада и Северо-Востока Руси. Это вызвало серьезнейшую смуту, в целом закончившуюся в 1156 году, когда на Русь из Константинополя прибыл митрополит Константин I. Окончательно же смута была урегулирована только Константинопольским Патриархом Лукой Хрисовергом. Именно последний, по всей видимости, и добавил слово «всея» в титулатуру митрополитов Руси, чтобы подчеркнуть единство Церкви всех русских епархий.

I. 2. «Неканоническое» перемещение центра митрополии в Москву

О церковных смутах эпохи Киевской Руси докладчик не упоминает — по его мнению, только *«во время нашествия монголов (1237–1340) процветающая Киевская митрополия перенесла первый большой удар в своей истории»*. Ни события вокруг поставления митрополитом «русина» Илариона в XI веке, ни уже упомянутый нами раскол Русской Церкви в XII веке после поставления Клима Смолятича, ни тяжелейшие

¹ При подготовке текста раздела I использована статья священника Михаила Желтова «Историко-канонические основания единства Русской Церкви», опубликованная в журнале «Церковь и время», 2018, № 3, с. 29–95.

междоусобные войны 1130–1230-х годов, в которых Киев рассматривался как главный приз и оттого часто становился ареной насильственных действий, вплоть до разорения в 1169 и 1203 годах, не удостоились внимания докладчика.

Вместо этого он начинает рисовать наивную в своей простоте — и недостоверную с исторической точки зрения — картину перемещения кафедры Киевского митрополита из Киева в Москву, чему посвящает достаточно много места. По его утверждению, когда после разорения Киевской митрополии монголами *«большая часть ее населения переселилась на север»*, то митрополиты Киевские, с разрешения Константинопольского Патриархата, стали проживать во Владимире. Но затем, по мнению докладчика, все пошло не так: митрополиты Киевские переместились из Владимира в Москву, что произошло уже *«без утверждения и благословения канонического церковного священноначалия митрополии, каковым являлась Вселенская Патриархия»*. Все это, как полагает автор доклада, было неприемлемо для *«южных князей... епископов, клира и народа областей так называемой Малороссии»*.

Остается лишь посетовать на неспособность автора сопоставить цифры и факты. Первым митрополитом Киевским, проведшим во Владимиро-Суздальской земле бóльшую часть своего предстоятельства, был Кирилл II (III) (митрополит с 1243 г., утвержден Константинопольским Патриархом в 1246–1247 гг., преимущественно во Владимиро-Суздальской земле находился с 1250 по 1273 гг. и затем в 1280 г., где и скончался в г. Переяславле-Залесском 6 или 7 декабря). Следующий митрополит, свт. Максим, с 1283 по 1299 год правил, в основном, из Киева, но около 1300 года переместил свою резиденцию во Владимир, где и пребывал вплоть до кончины в 1305 году. В это время была ликвидирована Владимирская епархия, а ее территория вошла в Митрополичью область. Преемник свт. Максима свт. Петр, родом с Волыни, после поставления в митрополиты в Константинополе и прибытия в 1308 году на Русь, провел в Киеве лишь около года, и уже в 1309 году сделал своим постоянным местопребыванием Владимир, откуда в 1325 году переселился в Москву, где и скончался в 1326 году. Следующий митрополит, грек свт. Феогност, был прислан на Русь Константинопольским Патриархатом в 1328 году и в том же году обосновался в Москве, откуда правил вплоть до своей кончины в 1353 году. Его пример особенно важен: свт. Феогност первоначально не был связан с Русью, но полностью исполнял волю Константинополя — и, тем не менее, целенаправленно направлялся в Москву, что полностью рассеивает беспочвенные подозрения докладчика. В свои последние годы

свт. Феогност рукоположил во епископа Владимирского своего ближайшего помощника (фактически, викария) и будущего преемника Алексия. Однако еще важнее другое: в 1354 году была издана соборная грамота — автор доклада на нее также ссылается, — посвященная вопросу о перемещении Киевской кафедры. Эта грамота была издана в связи с утверждением Константинопольским Патриархом свт. Филофеем (Коккиным) нового митрополита, избранного свт. Феогностом себе в преемники — того самого Алексия, уроженца и жителя города Москвы. В грамоте говорится о перемещении места преимущественного пребывания митрополита Киева и всей России «во Владимир... безвозвратно и на веки вечные неотъемлемо» (ἐν τῷ Βλαυτιμοίρῳ ... ἀναφαιρέτως καὶ ἀναποσπάστως εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα).

Заметим, что кафедра Киевских митрополитов находилась в Москве с 1325 года, то есть на момент выдачи процитированной грамоты — уже почти тридцать лет. Издавший эту грамоту свт. Филофей прекрасно об этом знал, как знал и о том, что свт. Алексий, формально сохраняя титул «Киевский и Владимирский», фактически будет находиться в Москве. Более того, именно это и подразумевалось в грамоте свт. Филофея, так что говорить о «неканоничности» перемещения Киевской кафедры в Москву — невозможно. Уж кому, как не иерархам Константинопольского Патриархата знать, как и почему резиденции титулярных митрополитов и епископов *таких-то* оказываются совсем в других географических локациях?

Титул «Владимирский» означал неразрывную связь с обладанием высшими княжескими правами великими князьями Владимирскими (именно на это великое княжение получали ярлык в Орде русские князья). С 1328 года великими князьями Владимирскими были московские князья Иоанн Данилович Калита, затем его дети — Симеон Иоаннович Гордый и Иоанн Иоаннович Красный. Только на три года с 1360 по конец 1362 года Владимирское великое княжение было отдано Ордой Нижегородскому князю, а с 1362 года вернулось к Московским князьям, став их отчиной, т.е. наследственным неотъемлемым владением. Спустя еще четверть века оно полностью вошло в состав Московского княжества. Но очевидно, что в середине XIV века вторым кафедральным городом Киевской митрополии официально мог быть только Владимир, как столица великого княжества. Характерно, что даже спустя столетия в титуле Русских царей, например, царя Михаила Федоровича, упоминание «Владимирский» шло первым — до «Московского», и только при изменении титула, после вхождения в состав Русского государства Киева и Левобережья Днепра при царе Алексее Михайловиче,

переместилось на третье место — после «Московского» и «Киевского». Еще одним интересным исторически зафиксированным фактом является обсуждение в 1588 году Патриархом Константинопольским Иеремией II с русскими властями возможности его переезда на Русь: Иеремия был готов сам, устав от бесконечных невзгод в Константинополе, остаться Патриархом на Руси. Русская сторона предложила ему в таком случае резиденцию во Владимире, при этом подразумевалось, что в Москве при государе останется митрополит Иов. Но Патриарх Иеремия соглашался остаться на Руси только при условии размещения его в Москве. Особое положение Владимира нашло отражение и в том, что церковный титул «Владимирский» вплоть до синодальной эпохи не присваивался, но сохранялся за митрополитом и впоследствии Патриархом всея Руси, тогда как проживавший во Владимире и Суздале архиерей считался «Суздальским». Вот именно этим историческим статусом города Владимира и объясняется его упоминание в грамоте 1354 года. Спустя столетие, это подтвердил Константинопольский Патриарх Геннадий Схоларий, который в ответах на вопросы деспота Сербии Георгия упомянул, что Киевская кафедра находится «в Московии» (так!) из-за того, что город Киев оказался «у латинян», то есть вошел в состав католического государства.

И еще одно замечание: кто же эти за недовольные перемещением центра митрополии на север «южнорусские князья»? Очевидно, что таким, вводящим в заблуждение, термином автор обозначает властителей этих земель в XIV веке, то есть литовских князей-язычников (Гедмина и Ольгерда) и правителей-католиков (Казимира Великого, короля Владислала Ягайло, великого князя Литовского Витовта и короля Казимира Ягелончика). Создание Галицкой и Литовских митрополий происходило под давлением именно этих правителей.

1.3. Вопрос о Галицкой и Литовской митрополиях в XIV в.

Далее докладчик переходит к теме Галицкой и Литовской митрополий. Представления автора об их судьбе недостоверны. Он утверждает, что «в начале XIV века на территории Малой и Великой России засвидетельствованы три митрополии: Киевская и всея Руси с кафедрой в Москве, Галицкая митрополия, включавшая районы севернее Карпат, ныне разделенные между Польшей и Украиной — и среди них Киев, — и митрополия литовцев, или Литвы». Утверждение о местонахождении Киева в «районах севернее Карпат» — это замечательный пример того, насколько беспечно докладчик относится к деталям своего изложения. То же можно сказать и об утверждении о

принадлежности Киева к Галицкой митрополии: *«Киев... был то частью Галицкой митрополии, то частью Литовской митрополии»*, тогда как во всю византийскую эпоху Киев никогда к Галицкой митрополии не принадлежал.

Литовская митрополия появилась в середине 10-х годов XIV века в рамках проекта крещения языческой Литвы и просуществовала всего около десятилетия. Однако в ходе наступления на русские земли в 1310–1320-х годах в состав Великого княжества Литовского вошли Друцкое, Витебское, Минское, Пинское, Туровское и Слуцкое княжества, около 1360 года — Брянское княжество, около 1362 года — Киевское княжество, в 1360-е годы — Черниговское княжество, в 1340–70-х годах — Волынь. Первоначально литовские власти попытались создать собственную митрополию с центром в Киеве, для чего было организовано поставление туда Тырновским Патриархатом митрополита Феодорита в 1352 году. Это деяние было категорически осуждено Константинопольской Церковью, а Феодорит — низложен; но уже в 1354 году Константинопольский Патриархат решил пойти навстречу просьбам литовского великого князя Ольгерда и рукоположил Литовского митрополита Романа. Впрочем, вопреки представлениям докладчика, и это не привело к разделению русских епархий на «три митрополии», поскольку Роман очень быстро начал претендовать на власть над *всею* Русской Церковью, не исключая и епархий Северо-Востока. Это спровоцировало конфликт, утихший лишь со смертью Романа зимой 1362/63 года, после чего Константинопольский Патриарх свт. Филофей издал ряд документов об упразднении Литовской митрополии. В 1375 году возникла новая коллизия: в Константинополе был рукоположен в митрополиты Киевские, Русские и Литовские высокообразованный болгарин по имени Киприан — при том, что титул Киевского и всея Руси продолжал сохраняться за находившимся в Москве свт. Алексием (предполагалось, что Киприан возглавит всю Русскую Церковь после кончины Алексия, либо низложит его, если на то будут веские основания). Началась долгая смута, итогом которой стали второй проезд свт. Киприана в Москву в 1390 году (первый имел место еще в 1381–1382 гг.) и воссоединение под его началом всех русских епархий, кроме всего лишь двух епархий, продолжавших относиться к Галицкой митрополии (вместо первоначальных пяти). Такое положение сохранялось вплоть до смерти свт. Киприана в 1406 году. Преемник свт. Киприана, грек свт. Фотий, был рукоположен в 1409 году, а Москвы достиг в 1410 году. Он, как и свт. Киприан, стоял во главе всех русских епархий как Севера и Северо-Востока, так и Великого княжества Литовского. Впрочем, во время его

первосвятительства литовские власти предприняли еще одну попытку рукоположить своего собственного митрополита, которым стал в конце 1415 г. Григорий Цамблак. Константинопольская Патриархия немедленно низложила и анафематствовала Григория Цамблака, а с его смертью в 1419 или 1420 году все русские епархии — включая Галицкую — воссоединились под единым началом свт. Фотия.

Другая упоминаемая автором доклада митрополия, Галицкая, возникла около 1302–1303 годов, но просуществовала только до 1307 года, когда Константинопольский Патриархат вновь подчинил ее епархии единой митрополии всея Руси во главе со свт. Петром (тем самым, кто впервые поселился в Москве). Вновь проект Галицкой митрополии появился в 1331 году, но не осуществился. Спустя десятилетие он возник опять, и где-то между 1342 и 1346 годами Константинопольский Патриарх Иоанн XIV Калека, прославившийся гонениями на свт. Григория Паламу и его учение, действительно вновь учредил Галицкую митрополию. Однако уже в 1347 году Патриарх Исидор I аннулировал все решения своего предшественника — в том числе, учреждение Галицкой митрополии. В посвященных этому вопросу императорском хрисовуле Иоанна VI Кантакузина, деянии собора архиереев во главе с Исидором I и нескольких грамотах этого Патриарха сказано, что решение об отделении Галицкой митрополии от остальной Руси было принято «предшествующим Константинопольским Патриархом по злему умыслу» (διὰ τὴν κακογνώμیان τοῦ χρηματίσαντος πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως), являлось неканоничным (ἔξω τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων), и поэтому император и архиерейский собор упраздняют его и предписывают, чтобы Русская Церковь вернулась к единству под началом одного предстоятеля, «согласно издревле узаконенным в той стране — всей Руси — обычаям» (τῶν ἐκ παλαιοῦ νενομισμένων ἐθίμων εἰς τὴν τοιαύτην χώραν τῆς πάσης Ῥωσίας). Как пишут отцы собора 1347 года — а это те же иерархи, кто остановил гонения на паламизм и утвердил его в качестве церковного учения! — ἔθνος τῶν Ῥώσων, χρόνος ἤδη μακρὸς εἰς τετρακοσίους ἐγγὺς ἐξήκων, ἓνα μητροπολίτην γνωρίζον, «народ Русов вот уже на протяжении почти четырехсот лет знает одного митрополита». Итак, не только и не столько неприятие фигуры Иоанна XIV Калеки, сколько сам факт исторического единства Русской Церкви был для авторов этих документов ключевым аргументом при решении вопроса об упразднении самостоятельной Галицкой митрополии.

В 1371 году Галицкая митрополия, однако, возникла вновь, по требованию польского короля Казимира III, который угрожал в случае отказа насильственно

обратить население оказавшихся под властью Польши православных областей Руси в католицизм. В этой — уже третьей! — версии Галицкая митрополия впервые смогла просуществовать более-менее существенное время, но не более полувека: в 1420 году митрополит Киевский и всея Руси свт. Фотий посещал Галич с пастырским визитом, что говорит о том, что митрополия с центром в этом городе уже не существовала.

Таким образом, нарисованная в разбираемом докладе картина *«трех митрополий» «на территории Малой и Великой России»* далека от реальности: Галицкая митрополия смогла учредиться только с третьего раза и в итоге все равно была фактически упразднена во времена свт. Фотия; Литовская митрополия просуществовала около десятилетия в исконных литовских землях, но затем перестала существовать, а когда Великое княжество Литовское расширилось до огромных размеров за счет бывших русских земель, все попытки организовать для этих земель свою собственную митрополию провалились. Важно отметить, что во весь византийский период Константинопольская Церковь прилагала усилия к сохранению единства русской митрополии.

1. 4. «Неканоничное» поставление митрополита Ионы

Рассказав своим слушателям о якобы трех одновременно существовавших митрополиях, автор доклада сразу переходит к вопросу о поставлении митрополита Ионы, умалчивая о событиях, предшествовавших ему. А между тем, эти события являются ключевыми для понимания случившегося не только в XV, но и в XVI–XVII веках. После кончины Киевского митрополита Фотия летом 1431 года, Константинопольский Патриарх не стал дожидаться кандидата на эту кафедру из Москвы, а рукоположил на Киевскую кафедру ставленника великого князя Литовского Свидригайлы, смоленского епископа Герасима, сторонника унии с католиками. Явных шагов к реализации программы по заключению унии митрополит Герасим осуществить не успел: Свидригайло заподозрил Герасима в тайных связях со своими политическими противниками и летом 1435 года сжег заживо. Киевская кафедра вновь стала вакантной.

На этот раз в Константинополе даже не стали ждать кандидата от Киевской митрополии, а поставили на Киевскую кафедру никак не связанного с митрополией грека Исидора, активного сторонника унии и деятельного участника переговоров с Римом. И хотя великий князь московский Василий II открыто заявил о недовольстве тем, что Константинопольский Патриархат не согласовал свое деяние с самóй

митрополией, верная церковно-каноническим правилам Москва приняла Исидора «с честью» и не оспаривала его назначение. Из Москвы митрополит Исидор вскоре отправился во главе делегации от Киевской митрополии в Феррару, где, согласно папской булле, должен был состояться объединительный собор. На соборе Исидор выступал как доверенное лицо византийского императора и был столь активен, что в августе 1439 года был назначен папским легатом в Литве, Ливонии, России и «Лехии» (Польше) для реализации решений собора об унии, а в конце года возведен в кардинальское достоинство.

Исидор прибыл в Москву в марте 1441 года. Он вошел в город как папский кардинал и легат, с преднесением латинского креста; на первой же литургии в Успенском соборе Московского кремля он помянул Римского папу Евгения как главу единой Церкви и устроил торжественное чтение буллы папы с изложением решений Ферраро-Флорентийского Собора. Православная Москва отвергла «папино писание». Князь Василий II организовал диспут между Исидором и противниками унии, по результатам которого Исидор был взят под стражу, как предавший свою Церковь и дерзнувший «отдать и поработить нас под отлученную из-за многих ересей святыми и богоносными отцами римскую Церковь», и помещен в Чудов монастырь до вынесения окончательного решения. По каноническим правилам его судьбу должен был решить Константинопольский Патриарх, но вскоре выяснилось, что и тот был явным сторонником унии. По сути, выдвигая обвинения в ереси против митрополита Исидора, Москва обвиняла в том же светскую и духовную власть Константинополя, пребывающую в «униатской симфонии». Чтобы избавиться от Исидора, ему просто позволили бежать из-под стражи и покинуть пределы Московского великого княжества. Исидор уехал сначала в Новогрудок, потом в Литву, Польшу и, наконец, обосновался в Риме, где продолжил свою карьеру в католической Церкви.

В 1443 году Константинопольским патриархом стал Григорий III Мамма, один из авторов постановления Ферраро-Флорентийского Собора, соратник Исидора в насаждении унии. Какие-либо надежды на поставление на Киевскую кафедру православного по духу архиерея стали в принципе неосуществимы, а угроза поставления нового митрополита-униата становилась все реальнее. Как следствие, в 1448 году, спустя семь лет после бегства Исидора, в Москве было принято решение о поставлении Киевского митрополита собором русских архиереев без участия Константинопольского патриарха. 15 декабря 1448 года собор русских епископов, созванный князем Василием

II, поставил епископа Рязанского Иону митрополитом Киевским и всея Руси. Важно заметить, что канонические права митрополита Ионы на управление епархиями на землях, подвластных польскому королю Казимиру IV, были подтверждены польским властителем в 1451 году. Таким образом, церковно-каноническое единство епархий сохранялось. Когда в 1449 году в Москве стало известно о воцарении императора Константина XI Палеолога, который поначалу не проявлял себя как униат, Василий II составил ему послание (датировано июлем 1451 г.; неизвестно, было оно отправлено или нет), где среди прочего спрашивал его о том, не появился ли в Константинополе православный Патриарх. Такой Патриарх появился только после падения Константинополя — им был Геннадий Схоларий, и имеются подтверждения того, что митрополит Иона восстановил с ним церковно-каноническую связь (прибытие на Русь посланника Геннадия Схолария в 1454 г.; указанная выше ссылка Патриарха Геннадия Схолария на факт пребывания Киевского митрополита в Москве в положительном свете; упоминания о поездке русских игуменов в Константинополь для решения некоторых церковных вопросов).

Поэтому утверждать, как это сделано в докладе, что поставление свт. Ионы было незаконным, неканоничным и вообще состоялось «в подражание четырем Восточным Патриархам», — это большая ошибка. Вспомним, что в московском праздновании 500-летия этого события в 1948 году приняли участие представители практически всех автокефальных Церквей, включая и Константинопольский Патриархат.

I. 5. Григорий Болгарин: красноречивое молчание

Главное, о чем умалчивает докладчик — это история возникновения новой, поствизантийской Киевской митрополии, которая с середины XV века стала параллельной к старой Киевской митрополии византийских времен (той самой, что с XIV в. имела центр в Москве). Истинным творцом этой новой митрополии был не Константинопольский Патриархат, а Римская курия, которую надоумил все тот же Исидор, поселившийся после падения Константинополя в Риме. 15 октября 1458 года латинский титулярный Константинопольский патриарх Григорий III Мамма (изгнанный из Константинополя православными горожанами еще в 1450 г.) по велению Римского папы рукоположил в митрополиты ближайшего соратника кардинала Исидора — аббата Григория Болгарина (до перехода Исидора в католицизм Григорий был его диаконом и сопровождал его, в том числе, в Москву). Сначала предполагалось, что новый

митрополит подчинит себе епархии тех земель, которые находились во власти короля Казимира IV, однако Григорий еще не успел покинуть Рим, как папа Пий II решил распространить претензии Римской Церкви еще и на Московскую Русь. По указанию папы Исидор формально отказался в пользу Григория Болгарина от «сохранявшихся» за ним частей митрополии всея Руси, и в январе 1459 года Григорий направился к Казимиру IV в сопровождении представителя папы, который вез королю папское послание. Оно содержало проклятия в адрес свт. Ионы и требовало от короля отказаться от признания власти святителя над православными епархиями на территории Литвы и Польши в пользу Григория, а затем добиться и от Москвы того же — уже на территории Московского великого княжества. Король исполнил требования папы Пия II, принудив православных епископов Литвы и Польши к подчинению присланному из Рима католическому иерарху «всея Руси» Григорию — нарушив этим собственные гарантии свт. Ионе, выданные в 1451 году, — а также обратился к Василию II с письмом, в котором предлагал сместить свт. Иону по причине пожилого возраста и принять в Москве Григория в качестве митрополита.

В Москве факт грубейшего вмешательства Римо-католической Церкви в дела православной Русской Церкви был, разумеется, воспринят с крайним возмущением. В 1459 году собором епископов Северо-Востока Руси было принято решение о верности свт. Ионе и о категорическом отказе признавать «отступника православных христианских веры, Исидорова ученика Григория... на Церковь Божию развратника, пришедшаго отъ Рима... отлученаго отъ святых зборных церкви, иже именуеть себя митрополитомъ Киевскимъ».

В свою очередь, православное население Литвы также отреагировало на насильственное подчинение папскому легату весьма болезненно, что в конце концов вынудило Григория Болгарина искать себе признания в Константинополе. В 1465 году он направил к Константинопольскому Патриарху Симеону своего посла, но Патриарх его не принял. Однако следующий Патриарх, свт. Дионисий I, в 1467 году согласился принять Григория Болгарина в церковное общение, признал его статус митрополита всея Руси и 14 февраля того же года направил в Москву свою грамоту. В этой грамоте патриарх утверждал, что Константинопольская Патриархия якобы не признала свт. Иону законным предстоятелем Церкви всея Руси и не признает его преемников, и требовал передать управление над Церковью всея Руси именно Григорию. Вряд ли была случайностью явная поспешность патриарха Дионисия, который принял это решение

меньше чем через месяц после восхождения на кафедру. Скорее всего, его возведение на престол было как-то обусловлено выполнением ряда требований, в том числе — относившегося к Григорию Болгарину.

С одной стороны, деяние патриарха Дионисия имело положительную сторону: целая церковная организация в лице ее первоиерарха и послушных ему архиереев оставляла латинство и переходила в Православие (хотя вопрос об искренности этого перехода следовало бы оставить открытым: недаром уже непосредственный преемник Григория Болгарина митрополии Мисаил после своего избрания обратился в 1476 г. за утверждением не в Константинополь, а в Рим, к папе Сиксту IV). Но с другой, это же деяние задним числом легитимировало папское вмешательство в дела Русской Церкви. Требование подчиниться ставленнику Рима, «Сидорову ученику» Григорию, в Москве было признано неприемлемым, так что послание Патриарха Дионисия не только не было принято, но и сама Константинопольская Церковь надолго оттолкнула от себя историческую Русскую митрополию. Это решение именно Константинопольского Патриархата серьезно ослабило позиции Православной Церкви во всей Восточной Европе, особенно в условиях османского ига. Именно поэтому связи с Константинопольской Церковью достаточно скоро восстановились: уже в 1518 году в Москву прибыло посольство Патриарха Константинопольского Феопипта во главе с митрополитом Зихны Григорием. Титулатура привезенных грамот свидетельствовала о признании Московского митрополита со стороны Константинопольского Патриархата. Варлаам именован в грамоте Патриарха Феопипта (июль 1516 г.) «митрополитом Киевским и всея Руси» (в *inscriptio*) и «митрополитом Московским и всея Руси» (в «подписи»-адресе). В Москве придавали большое значение прибытию Патриаршего посольства, о чем были сделаны официальные записи; известия о приезде посольства, его составе и отъезде были включены в летописи. И в дальнейшем сношения двух Церквей продолжались.

Таким образом, выдвигая неприемлемые требования и действуя вопреки политике двух своих предшественников, Константинопольский Патриарх Дионисий I поступал весьма опрометчиво, подвергая угрозе отношения между Константинопольской кафедрой и Москвой, что при отсутствии униатского фактора заставляет еще раз задуматься о реальных причинах такого поспешного решения. Как бы то ни было, результатом действий Константинополя стал размен: он надолго утратил связь со своей исторической митрополией с центром в Москве, но зато получил в свое управление ряд

епархий на территории Польско-Литовского государства (с 1569 г. — Речь Посполитая). Впрочем, управление это было в значительной степени номинальным... но нам следует вернуться к тексту доклада.

Подытоживая сказанное, представления автора доклада об истории Киевской митрополии до середины XV века можно представить в виде следующей схемы: «процветающая каноническая митрополия в Киеве» — «перемещение ее во Владимир (каноническое) и затем в Москву (якобы неканоническое)» — «недовольство жителей Киева и вообще областей “севернее Карпат”» — «появление трех митрополий в XIV веке» — «незаконное избрание свт. Ионы в Москве». Очевидно, что реальная картина была *совершенно* иной.

II. Два важнейших церковных события конца XVI и XVII в.

II. 1. Учреждение Патриаршества в Москве

Коснувшись «неканоничности» поставления митрополита Ионы, автор доклада сразу переходит к вопросу об учреждении на Руси Патриаршества. Рассмотрение этого действительно важнейшего вопроса не осталось без обычных сетований по поводу того, что Патриарший титул был дарован митрополитам всея Руси *«под нестерпимым давлением царя»* — как будто бы Русская Церковь сама по себе не заслуживала Патриаршества и как будто Патриарх Константинопольский Иеремия II приехал в Москву не по своей воле и не ради получения разнообразной помощи (каковая и была ему сполна оказана). Упомянув о поставлении Патриарха Иова в Кремле и о соборной грамоте 1590 года, докладчик переходит к критике русских властей за то, что они посмели требовать признать за Москвой третье место в диптихах, по его мнению, это было проявлением *«великодержавного шовинизма»*. Более прозаичное — и более реалистичное — объяснение он даже не рассматривает. А зря: ведь дело было, конечно, не в «шовинизме» (тем более, что греков Иерусалимского Патриархата на Руси вряд ли отличали от греков Патриархата Константинопольского), а в том, что русские прекрасно понимали, что из восточных Патриархов в условиях туркокрации реальной властью обладал лишь Константинопольский, и лишь пиетет к титулу Александрийского Патриарха — «судия Вселенной» — заставлял их просить о помещении Московской кафедры не на второе, а на третье место в диптихах.

Также автор доклада явно пытается возвысить авторитет соборной грамоты 1590 г.² по отношению к деяниям Константинопольского Собора 1593 года. Все дело в том, что он, не таясь, ставит перед собой задачу дезавуировать и сам факт созыва Константинопольского Собора 1593 года, и принятые на этом Соборе деяния. Он пишет: *«С исторической точки зрения не выдерживают критики по временам звучащие утверждения о том, что данный собор был созван с целью составления нового Томоса для Российского Патриарха с подписями всех Восточных Патриархов, исходя из того, что в хрисовуле 1590 года отсутствует подпись Патриарха Александрийского Мелетия. На самом деле патриаршее достоинство они получили только от Патриарха Константинопольского. Патриархи Антиохийский и Иерусалимский, которые подписывали хрисовул, тогда временно проживали в Константинополе и, как показывают наши архивы, подписывали не только российский хрисовул, но и все соборные решения того времени. Следовательно, для провозглашения автокефалии не требовалось подписей всех Предстоятелей, как сегодня утверждают некоторые, желая ограничить права Вселенского Престола. Кроме того, если бы это было так, то тогда потребовалась бы и подпись Архиепископа Кипрского, который также был главой автокефальной Церкви. Но ничего подобного не было».*

Все это рассуждение прямо противоречит тексту соборного деяния 1593 года. В его начале Патриарх Александрийский Мелетий прямо обращается к другим Патриархам: «Вы знаете братия, что отличительный признак любви ко Спасителю Богу есть попечительность пастырская. Ибо сам Он говорит: «Петре, любиши ли Мя? паси овцы Моя». По сей причине и мы многие подвиги и труды и опасности многократно переносили и переносим, как вы это знаете. И вот ныне я, быв приглашен в Константинополь письмами всесвятейшего Вселенского Патриарха, брата и сослужителя нашего, и прочих архиереев ради нужд Церкви, и притом получив письма из православнейшей Москвы от благочестивейшего царя Феодора, заботясь о том и другом, то есть и о нужде Церкви, и о царском деле, прошу ваше благоговеинство по строгом разсуждении о речах моих изъяснить, что окажется справедливым касательно того, что будет говорено... И поелику мне надобно отвечать на благочестивейшее писание боговенчанного царя, посему я прошу и ваше благоговеинство испытать и определить соборно: справедливо ли и согласно ли с отеческими определениями все то,

² При том, что известно, что значительная часть подписей под актом 1590 года (66 из 106) были сфальсифицированы в самом же Константинополе.

что я думаю и скажу. А я признаю справедливым, чтобы царствующий православнейший град Москва, ущедренный человеколюбием и благодатию Божию, возвеличился и в церковных делах на основании 28-го правила Четвертого Собора 630 святых отцев, собравшихся в Халкидоне».

На это всесвященнейший Вселенский Патриарх Иеремия сказал: «Мы еще прежде учинили сие и письменно изложили благочестивейшему Царю»; Софроний, всесвятнейший Патриарх Иерусалимский, подал голос: «И я то же самое изъявляю»; и тогда Святый Собор единодушно изрек: «Поелику сие дело обсуждено по священным правилам, то все мы того же желаем и кроме того присуждаем, чтобы благочестивейший царь Московский и Самодержец всея России и северных стран, как поныне воспоминается в священных службах Восточной Церкви, в священных диптихах и на святых проскомдиях, так был бы возглашаем и в начале шестопсалмия по окончании двух псалмов о царе, точь-в-точь как он возглашается в вышепомянутых службах, то есть по имени, как православнейший царь».

Из процитированного текста совершенно ясно видно, что: а) Великий Константинопольский Собор 1593 года собрался именно ради того, чтобы услышать позицию Александрийского Патриарха, который не принимал участия в подписании грамоты 1590 года (его хиротония в Патриарха состоялась 5 июля 1590 г., т.е. уже после Собора 1590 г.); б) Константинопольский Патриарх, хотя и говорит несколько обиженно, что решение это было уже принято, но нисколько не возражает против повторного голосования. Следовательно, утверждение докладчика, что *«для провозглашения автокефалии не требовалось подписей всех Предстоятелей»*, — ошибочно. Напротив, прямо по тексту деяния требовались подписи непременно всех Патриархов. И Кипрский архиепископ здесь совершенно не при чем, так как решение такого уровня принималось именно четырьмя Патриархами. Таким образом, решение о возвышении Москвы на уровень Патриаршества принято «вселенским собором» Восточных Патриархов, а вовсе не одним Иеремией II.

II. 2. Подчинение Киевской митрополии Московскому Патриарху

О переходе епископата «константинопольской» Киевской и Галицкой митрополии в унию автор доклада не пишет практически ничего. Напротив, он рисует следующую едва ли не благостную картину существования Киевской митрополии в Речи Посполитой: *«Константинополь принимал участие в Брестском Соборе (1596), на*

котором изверг латиномудрствующих епископов, а позднее посланец Вселенского Патриарха Патриарх Иерусалимский Феофан восстановил путем избрания и хиротонии иерархию Поместной Киевской Церкви (1621)». Остается только догадываться, известно ли докладчику, что один из двух экзархов Константинопольского Патриарха на соборе 1596 года, Никифор, был обвинен польскими властями в шпионаже в пользу Османской империи и — внимание! — Московского царства, взят под стражу и уморен голодом; что восстановленную Патриархом Феофаном иерархию — кстати, в 1620, а не в 1621 году — польское правительство так и не признало, и лишь личные связи и таланты архимандрита Петра (Могила) помогли фактически переучредить эту митрополию на польском сейме 1632 года; что, наконец, на Коронационном сейме 1676 года польское правительство приняло решение о запрете любых не согласованных с властью сношений с Константинопольским Патриархом под страхом смертной казни и конфискации имущества.

Благостный — и совершенно фальшивый — взгляд на положение Православной Церкви в Речи Посполитой резко контрастирует с эпитетами, при помощи которых автор доклада описывает церковные дела в Московском Патриархате: *«Ошибочные церковные обычаи, которые проникли в церковную жизнь и были перемешаны с язычеством, колдовством, магией и самыми разнообразными суевериями»*. Можно предположить, что под «ошибочными церковными обычаями» докладчик понимает то, что было отменено Никоном, Святейшим архиепископом Московским, всея Великия и Малыя России Патриархом (кстати, этот титул — включая Малую Россию! — был признан и Константинопольской Патриархией, о чем в докладе, разумеется, не упомянуто): двуперстие, совершение крестных ходов посолонь, большее, чем в позднейшей практике, число земных поклонов и прочее. Вопреки инсинуациям автора, ничего «магического» или «языческого» ни в двуперстии — аутентичном византийском перстосложении, — ни в других традициях древнего русского благочестия (многие из которых просто отражали византийские обычаи, греками к XVII в. уже позабытые) не было и нет.

Однако вернемся к тексту доклада: *«Проблема между Киевом и Москвой и, более широко, между Вселенским Патриархатом и Русской Церковью, возникла, когда Патриарх Московский Иоаким вопреки канонам и без одобрения Матери Церкви избрал митрополитом Киевским Гедеона. Затем, как и ожидалось, последовало его низложение Поместным собором в Киеве, о чем до сих пор умалчивают русские историки»*. Разбор

этого утверждения следует начать с конца: русские историки «умалчивают» о Поместном Соборе в Киеве, низложившем митрополита Гедеона, по одной простой причине: приведенное утверждение является полностью голословным.

Во-первых, весь православный епископат Киевской митрополии на момент избрания Гедеона (Святополк-Четвертинского) сводился к двум архиереям: самому Гедеону и Лазарю (Барановичу); все остальные наличные иерархи тайно приняли унию. При этом архиепископ Лазарь занимал Черниговскую кафедру, еще в 1667 году получившую из Москвы грамоту, подтверждающую его права и статус архиепископии, и одновременно многие годы был фактическим местоблюстителем Киевской кафедры. А епископ Гедеон вынужден был бежать на Левобережье под угрозой расправы с ним польского правительства.

Во-вторых, *собрание* духовенства (а не «Поместный Собор»), причем без участия обоих епископов, действительно состоялось в июне 1685 года. На нем и был избран в митрополиты — а не «низложен»! — Гедеон. На нем же были выдвинуты шесть требований к московскому правительству, в случае исполнения которых киевское духовенство соглашалось перейти под юрисдикцию Московского Патриарха. В сентябре 1685 года царское правительство рассмотрело эти требования и согласилось с пятью из шести, что в итоге устроило гетмана. В октябре 1685 года Гедеон отправился в Москву, а 8 ноября того же года был возведен там в сан митрополита.

Итак, архиереи Константинопольской Патриархии введены в серьезное заблуждение (в том, что это действительно так, можно убедиться из официального документа Константинопольской Патриархии, «Вселенский престол и Украинская Церковь», где повторяются те же недостоверные сведения о «Поместном Соборе», который «низложил» Гедеона): Патриарх Московский Гедеона не избирал (это сделали духовенство Киевской епархии и народ во главе с гетманом), и никакой мифический «Поместный Собор» его не низлагал.

Однако в 1686 году московское правительство и Патриарх обратились в Константинополь за грамотами, подтверждающими уже совершенное деяние. Главной причиной обращения за такой грамотой была настоятельная просьба гетмана, который боялся, что без нее начнется церковная смута на Правобережье, на территории Речи Посполитой. В том же году такие грамоты были получены.

Автор доклада уделяет вопросам содержания этих грамот очень много внимания, но его анализ ущербен сразу по нескольким причинам. Одна из них — односторонние

интерпретации, но ими дело не ограничивается. В конце концов инициирован серьезный спор, и начавшая его сторона хочет выделить в документах то, что выгодно ей, и не слишком акцентировать остальное.

Гораздо важнее то, что докладчик вообще не понимает исторического контекста, в котором происходили рассматриваемые им события. Иначе он бы не выдвигал, например, совершенно нелепых предположений о том, что «притеснения», о которых говорится в различных документах 1686 года, — суть мифические «экспансионистские предприятия Русского Патриарха», а не вполне реальные проблемы: категорический запрет польских властей на коммуникацию с Константинопольской Патриархией, конфискации имущества православных монастырей в Речи Посполитой в пользу униатов, принуждение архиереев к переходу в унию (что к 1686 г. на территории Речи Посполитой было уже почти полностью осуществлено), и так далее. Обо всех этих действительно тяжелых притеснениях много говорится в большом массиве церковно-дипломатической переписки 1670–1680 годов, которая в настоящий момент готовится коллективом авторов к изданию на базе «Православной энциклопедии».

Также докладчик не видит разницы между частными письмами иерархов и официальными документами Патриархии, смешивая все их в одно, как будто любое изреченное восточными Патриархами слово — истина в последней инстанции. Наконец, он придает слишком большое значение просьбе Константинопольского Патриарха поминать его имя при служении Киевского митрополита. Из самих документов видно, что упомянутая просьба является не условием легитимности решения о переподчинении Киевской митрополии, а дополнительным требованием, причем Патриарх Дионисий открытым текстом дает ей и мотивацию: он хочет, чтобы не забывали о том, что «благодать» исходит от Константинопольского престола «по всей вселенной». Иными словами, он — как «вселенский» Патриарх — желает напомнить о своей юрисдикции (мнимой) вообще над «всей вселенной», а не исключительно над Киевской митрополией, вопреки докладчику³.

Сами же по себе рассуждения о «скрытой неканоничности» Украинской Православной Церкви на том основании, что она выполнила просьбу Патриарха XVII

³Тем более, что эта просьба была в общем удовлетворена, поскольку еще при Патриархе Никоне из уважения к восточным Патриархам их поминовение было включено в стандартные издания русских богослужебных книг (более подробно эта тема освещена в упомянутой выше статье священника Михаила Желтова «Историко-канонические основания единства Русской Церкви»).

века, может быть, не совсем так, как тому бы хотелось (притом, что все же выполнила) — совершенно безответственны. Если это действительно так, то почему же Константинопольская Церковь все это время находилась с Украинской Церковью в общении? Ведь общающийся с неканоничными иерархами, тем более на протяжении нескольких веков, и сам делается неканоничным (пусть даже, по предложенной в докладе терминологии, «скрыто неканоничным»). Можно сказать иначе: в области права, в том числе и церковного, важную роль играет понятие срока давности. За прошедшие века Константинополь не поднимал вопроса о нарушении условий послания 1686 года. А потому давным-давно потерял право на это.

III. Церковные события на Украине в XX веке

Заключительная часть доклада посвящена обзору украинской церковной проблематики после 1917 года. И здесь помимо очевидных фактических ошибок становится ясным, что автор доклада, без всякого сомнения, использовал только крайне тенденциозные источники, связанные с раскольниками-националистами и обновленцами. И поэтому постоянно попадает впросак, воспроизводя то одну, то другую ложь из этих источников.

Автор начинает этот раздел с весьма странного утверждения, что после 1686 года *«отношения Киевской митрополии с Москвой были то тесными, то совершенно формальными»*. На самом деле Киевская митрополия в течение всего синодального периода истории Русской Церкви была самым тесным образом в нее интегрирована и считалась, наряду с Санкт-Петербургской и Московской, одной из трех главных кафедр в Российской империи, архиереи которой состояли членами Святейшего Синода. Более того, Киевские митрополиты обладали даже правом совершать в Киево-Печерской лавре чин мирования и освящения мира. В чем же формальность отношений?

Далее он утверждает, что *«во время заседаний Всероссийского Собора с 1 по 10 июня 1917 г., три месяца спустя после падения царского режима, присутствовавшие на Соборе представители Украины внесли следующее смелое предложение об автокефалии: “Если Украина — независимое государство, то ее Церковь должна стать автокефальной. Если Украина признается автономной, то таковой должна быть признана и Церковь”*», и ссылается при этом на печально известное послание раскольнического «Синода Украинской Церкви» к Патриарху Константинопольскому Василию III, к восточным Патриархам и вообще ко всем Главам Церквей. Таким образом, докладчик именует

«Всероссийским собором» незначительное по последствиям собрание — Всероссийский съезд духовенства и мирян. Таких собраний с участием архиереев в короткий период Временного правительства собиралось множество, но в данном конкретном собрании участвовал всего один архиерей — епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), в то время увлеченный либеральными идеями и посещавший, как кажется, вообще все возможные собрания. На этом собрании несколько делегатов от юго-западных епархий действительно внесли на рассмотрение декларацию с требованием автокефалии, подразумевая под этим словом автономию, так как в июне 1917 года Украина имела статус национально-территориальной автономии в составе России (провозглашен в одностороннем порядке Центральной Радой), но никак не была независимым государством. Но последствий ни это решение, ни решения множества других подобных съездов и собраний не имело никаких. И, уж конечно, это заявление никак не может считаться *«организованным движением за автокефалию и независимость Церкви»*, так как уже через несколько месяцев сторонники автокефалии потеряли завоеванное ими весной 1917 года большинство в епархиальных собраниях Киевской, Полтавской и Подольской епархий.

Далее автор доклада утверждает, *«что на заседаниях Всероссийского Собора 7–20 сентября 1918 г. было строго запрещено вносить любые предложения относительно украинской автокефалии, а инициаторов этого процесса протоиереев Василия Липковского и Нестора Шараевского лишили права голоса на предстоящем Всеукраинском съезде клириков и мирян. Разумеется, эти решения русских вызвали сильный протест»*, и опять говорит неправду, при этом путая Всероссийский и Всеукраинский церковные Соборы. На самом деле на заседании Всероссийского Поместного Собора 20 (7) сентября 1918 года было утверждено Положение о временном Высшем Управлении Православной Церкви на Украине, принятое 9 июля 1918 года **Всеукраинским православным церковным Собором**, из состава которого Липковский и другие сторонники автокефалии были исключены еще 8 июля 1918 года. Причем без какого-либо влияния со стороны Москвы! — ведь этот Собор проходил в Киеве в период немецкой оккупации, и прогерманское правительство «Украинской державы» гетмана Скоропадского поддерживало скорее автокефалистов, хотя и воздерживалось от грубого вмешательства в дела Церкви. Сам Липковский в своих мемуарах честно признавался, что до 1917 года об автокефалии Православной Церкви в Украине никто даже не задумывался и не высказывал подобных настроений. Они стали исключительно

следствием привнесения политических страстей, вызванных Российской революцией 1917 года, в церковную жизнь. Но большинство членов Собора уже устало от грубого национализма новых автокефалистов, требующих отличать делегатов, «украинцев по крови и приверженцев идеи украинизации», от других участников церковного Собора. Но, может быть, автор имел ввиду русских «по крови» участников Собора? Неужели он убежден, что христиан следует делить «по крови»?!

И еще одно утверждение, завершающее этот абзац в докладе: *«Многие клирики и миряне начали создавать независимые общины в Киеве и Подолии, а вышеупомянутые протоиереи рукоположили себя сами в епископский сан наложением рук священников, основали Украинскую автокефальную Церковь и, конечно, вызвали раскол».* Интересно, что оформление автокефалистских общин Липковского произошло уже в 1919 году, во время занятия Киева красными войсками. Советские власти оказывали Липковскому большую поддержку, чтобы вызвать раскол и ослабить Православную Церковь на Украине. «Соборно-мирянское рукоположение» запрещенного в священнослужении женатого протоиерея Липковского в «митрополита Киевского» произошло уже при власти большевиков и при их поддержке в расчете на борьбу с канонической Церковью и дало народное название возглавленной им УАПЦ — «самосвяты». Вот они-то и являются первыми «героями» национального движения за автокефалию, к которым с таким снисхождением относится докладчик.

Далее автор пишет: *«В начале 1919 г. украинское правительство приняло «Закон об автокефалии Украинской Православной Церкви», запрещающий поминание Патриарха Тихона и пророссийского митрополита Киевского Антония; одновременно был учрежден Синод, возглавляемый митрополитом Екатеринославским Агапитом».* На первый взгляд, имена и даты верны, но вот о чем автор умалчивает: под украинским правительством здесь понимается **Украинская Директория Симона Петлюры**, военные силы которой занимали Киев с декабря 1918 по февраль 1919 года. В декабре 1918 года петлюровцами был арестован и увезен из Киева митрополит Антоний (Храповицкий), канонично избранный на Киевскую кафедру епархиальным собранием Киева в мае 1918 года и утвержденный в июле 1918 года Всеукраинским Собором. 1 января 1919 года Директория приняла закон «О высшем управлении Украинской автокефальной православной соборной Церкви», а архиепископ Агапит (Вишневский), поставленный петлюровцами во главе их «Синода», был действительно вынужден издать указ о запрещении поминовения Патриарха Тихона и митрополита Антония, за

что впоследствии был подвергнут церковному суду Собора епископов ВЦУ Юго-Восточной области (епархии под контролем армии Деникина) и запрещен в священнослужении, после чего покаялся и был возвращен к управлению своей епархией.

И такие примеры можно продолжать строка за строкой. Вот докладчик утверждает, что *«в сентябре 1922 г. состоялся неофициальный Собор во главе с экзархом Московского Патриархата Михаилом, где было решено, что вопрос об автокефалии нуждается в надлежащем разрешении на съезде клириков и мирян»*. Но ведь это совещание в Киеве было вполне официальным и легальным. Оно было проведено вместо предполагаемого Всеукраинского Собора из-за действий местных советских властей, не допустивших приезда значительной части избранных делегатов. Совещание решительно выступило против сторонников Липковского (УАПЦ). Что же касается обсуждаемого на Совещании вопроса о собственной автокефалии, то речь шла о самостоятельности от образованного в мае 1922 года в Москве обновленческого ВЦУ. Подобные антиобновленческие «автокефалии» в это время появились в Петрограде и в ряде других епархий России.

Другой пример: *«Годом позже (25-27 октября 1923 г.) сторонники украинской автокефалии сумели собрать епископский Собор в Харькове, где главной темой обсуждения был способ получить автокефалию»*. Но ведь это был **обновленческий** «Собор епископов Украины и Крыма», подготовленный и проведенный при поддержке как раз большевистских властей. Иначе говоря, автор просто не делает никакого различия между сторонниками канонической Православной Церкви и раскольниками-обновленцами. От незнания? Или намеренно вводит своих собратьев в заблуждение? Похоже, что так — ведь он далее утверждает, что *«Второй Всеукраинский съезд, на котором присутствовали члены Священного Синода и представители клириков и мирян, состоялся 17–27 мая 1925 г. Участники единодушно провозгласили автокефалию Украинской Православной Церкви, что было подписано также представителями Московского Патриархата»*. Речь опять идет об **обновленческом** «Всеукраинском Поместном Соборе», провозгласившем автокефалию. Московский Патриархат не имел никакого отношения к отделению (очевидно, с санкции советских властей) одной обновленческой структуры от другой и, соответственно, никак на это не прореагировал. 6 октября 1925 года **обновленческий** «Всероссийский Поместный Собор», избравший почетным Председателем Константинопольского Патриарха Василия, признал автокефалию обновленческой Украинской Церкви: «III Всероссийский Поместный Священный Собор, заслушав “Деяния II Всеукраинского Поместного Священного Собора

12 мая 1925 года”, провозглашающие автокефалию Украинской Православной Церкви, с братской любовью приемлет и благословляет сей акт своей родной сестры — Украинской Православной Церкви. Со своей стороны, III Всероссийский Собор также осуждает то насилие, которое было допущено в 1685 году, и присягу [Московскому Патриарху] Киевского митрополита Гедеона, князя Святополк-Четвертинского, вменяет яко не бывшую». При этом в 1934 году обновленческий Синод отменил эту автокефалию.

О степени владения материалом красноречиво свидетельствует, например, следующая фраза докладчика: *«В 1930 году началась оккупация Украины большевиками, упразднившими так называемую автокефалию»*. Совершив некоторое ментальное усилие, можно догадаться, что автор на самом деле имел в виду киевский Чрезвычайный церковный собор УАПЦ, объявивший о ее самоликвидации. К этому времени УАПЦ полностью деградировала как церковная структура, а ее «иерархи» погрязли в интригах и распрях, в результате которых Липковский еще в 1927 году был смещен с поста главы УАПЦ. Все попытки изобразить УАПЦ жертвой НКВД выглядят крайне неубедительно по той причине, что самосвятская «церковь» с самого начала создавалась под покровительством большевиков и была их орудием в борьбе с канонической Церковью. Но трудно даже вообразить столь высокую степень исторического невежества, которая позволяет говорить об *«оккупации Украины большевиками в 1930 году»*.

Следующая фраза докладчика: *«В 1941 немецкие войска входят на Украину, в результате чего церковные отношения между Украиной и Россией прерываются»*, привлекает к себе не меньшее внимание: в отличие от большевиков, немцы Украину не «оккупируют», а всего лишь «входят» в нее. И что же? А вот что: ***«Несмотря на стесненные условия Второй Мировой войны, народ Украины счел это время подходящим, чтобы поднять вопрос об официальном признании автокефалии, уже провозглашенной в 1925 году на Втором Всеукраинском Поместном Соборе. Архиепископ Луцкий и Волынский Поликарп, возглавлявший автокефальную Украинскую Церковь, начал действовать в этом направлении вместе с епископами, рукоположенными им. Правда, его пребывание на Украине было недолгим, так как после отступления немецкой армии он также был вынужден уйти из-за тесных связей и сотрудничества с ними [немцами]. Поэтому вторая за прошлый век попытка добиться автокефалии, инициированная сомнительным Поликарпом, провалилась. Тем не менее в 1942 году Русская Церковь подписала соглашение о признании автономии Поликарпа с***

предварительным признанием при условии, что автономная Церковь на Украине будет управляться русским митрополитом Алексием, но в итоге после заключения этого соглашения российская сторона отозвала свои подписи». И вновь автор по незнанию или же сознательно умалчивает тот факт, что Поликарп (Сикорский) был епископом Польской Православной Церкви, который в 1940 году, после вхождения Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР, перешел в епископат Московского Патриархата. Созданная им т. н. вторая УАПЦ, хотя и декларировала свое преемство от самосвятов Липковского, фактически вела свое иерархическое происхождение от Польской Православной Церкви и Московского Патриархата (хотя имеются сведения о принятии Сикорским в общение «священников», но не «епископов» самосвятской УАПЦ). В любом случае к «автокефалии», провозглашенной обновленцами Пимена (Пегова) в 1925 году, УАПЦ Сикорского не имела никакого отношения и никогда о ней не вспоминала. О роли немцев в создании УАПЦ Сикорского автор также стыдливо умолчал. А в его утверждении, что «в 1942 году были рукоположены трое украинских епископов: Юрий Брестский, Никанор Чигиринский и Игорь Уманский, получившие автономию от Польской Церкви», верными являются только имена: никакой автономии они не получали, так как все трое упомянутых архиереев были рукоположены как архиереи УАПЦ Сикорского, о которой автор высказался выше. Так, хиротония протоиерея Никанора Абрамовича во епископа Чигиринского, «викария-администратора Украинской автокефальной православной церкви», состоялась 9 февраля 1942 года в Пинске (Белоруссия). Ее совершили архиепископ Александр (Иноземцев), епископ Поликарп (Сикорский) и епископ Георгий (Коренистов), который сам был рукоположен Александром и Поликарпом во епископа Брестского, викария Полесской епархии УАПЦ, лишь днем ранее — 8 февраля 1942 года. 10 февраля 1942 года там же в Пинске был пострижен в монашество с именем Игорь протоиерей Иван Губа, который в тот же день был хиротонисан во епископа Уманского Александром (Иноземцевым), Поликарпом (Сикорским) и Георгием (Коренистовым).

К числу очевидных проявлений неведения автора относительно подлинной истории Русской Православной Церкви в XX веке можно отнести и следующее нелепое утверждение: *«После смерти Патриарха Пимена Филарет был назначен местоблюстителем Московского патриаршего престола и имел более всех шансов на избрание. В итоге митрополит Ленинградский Алексий был избран Патриархом, а Филарет был отстранен от выборов по причине своего украинского происхождения».*

Между тем хорошо известно, что местоблюститель Патриаршего престола митрополит Киевский и Галицкий Филарет от выборов отстранен отнюдь не был, а участвовал в них, однако члены Поместного Собора предпочли ему другого кандидата. Совсем странно выглядит попытка объяснить это националистическими мотивами, учитывая то, что из трех кандидатов, за которых голосовал Поместный Собор, двое (сам Филарет и митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир) были этническими украинцами.

Напоследок обратимся к цифрам, которые приведены в конце доклада: *«Опрос, проведенный на Украине с 9 июня по 7 июля 2017 года, показывает, что верующие, принадлежащие т. н. Киевскому Патриархату, составляют 44% населения, верующие Автономной Московской Церкви 18%»*. Всем, кто действительно интересуется церковной ситуацией на Украине, очевидно, насколько нерелевантны эти цифры.

На этом обзор «исторических данных», на которых основывалось и выступление Патриарха Варфоломея 1 сентября 2018 года, и его дальнейшие шаги, можно завершить. По сути это не экспертный, а пропагандистский документ. Знакомство с ним вызывает глубочайшее сожаление о том, что решения столь важного значения принимаются Константинопольским Патриархатом на основе материалов столь удручающе низкого научного качества.